

УДК 811.161.1'366(091)
ББК Ц141.12-03+Ш141.12-21

Е.А. Миронова
Оренбург

**Особенности употребления звательного падежа
в челобитных второй половины XVII века**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности употребления звательного падежа в челобитных идеологов старообрядчества – протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого, которые наглядно показывают значительные различия в отборе языковых средств при воплощении сходных мыслей и идей, а также тенденцию к постепенной утрате звательного падежа и замене его именительным.

Ключевые слова: русский язык, церковнославянский язык, звательный падеж, раскол русской православной церкви, протопоп Аввакум, дьякон Игнатий Соловецкий.

Сведения об авторе:

Миронова Екатерина Александровна, аспирант Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).

Контакты: 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19;
mironova_k.a@mail.ru

E.A. Mironova
Orenburg

Special features of the use of vocative in the petitions
of the second half of the XVII century

Abstract: Special features of the use of vocative in the old belief ideologists' petitions are considered in the article. The archpriest Avvakum and the deacon Ignatij Solovetsky evidently demonstrate in their petitions the differences in the selection of language means in an embodiment of similar thoughts and ideas. The tendencies to gradual loss of vocative case and replacement it with nominative one also viewed in the article.

Key words: Russian language, Church Slavonic language, vocative, the schism of the Russian Orthodox Church, the archpriest Avvakum, the deacon Ignatij Solovetsky.

About the author:

Mironova Ekaterina Alexandrovna, Postgraduate of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).

Система русского литературного языка складывалась и развивалась под мощным влиянием экстралингвистических факторов, которые являются параметрами внеязыковой действительности и, как следствие, обуславливают изменения в языке. Воздействуя на язык через его носителей, экстралингвистические или социальные факторы (в последнее время наблюдается тенденция к приравниваю этих понятий в современном языкознании) влияют на эволюцию языка. Кроме того, следует отметить влияние на литературный язык культуры и истории народа, традиций и обычаев, взаимосвязи с социальными институтами, и в первую очередь, с церковью, которая имела колоссальное влияние на средневековое общество. На основе данных суждений мы можем прийти к выводу, что церковнославянский язык, являясь языком Русской православной церкви, оказывал значительное влияние на становление и развитие русского литературного языка вплоть до начала XVIII в., когда в результате реформ Петра I церковнославянский язык сузил свои функции до обслуживания нужд русской православной церкви [4, с. 167].

На основе тесной взаимосвязи церковнославянского языка и Русской православной церкви считаем необходимым рассмотреть особенности влияния экстралингвистических факторов на развитие русского литературного языка в период церковной реформы XVII в. Неоднозначная, но объективно необходимая церковная реформа привлекает к себе особое внимание исследователей на протяжении уже трех с половиной веков. По справедливому замечанию профессора Московской Духовной Академии Н.Ф. Каптерева, церковная реформа была задумана как правка богослужебных текстов, но не патриархом Никоном, который сыграл значительную роль в осуществлении реформы, а самим Алексеем Михайловичем и его духовником – Стефаном

Вонифатьевичем, которым и принадлежит идея исправления церковных чинов, обрядов и книг [7, с. 4]. В связи с этим реформа, к которой прибегает как Алексей Михайлович, так и патриарх Никон, преследуя личные интересы, носит не только религиозный, но и лингвистический характер, потому что богослужебные тексты содержали в себе разного типа разночтения, укоренившиеся веками, и воплощали языковое разнообразие взаимодействия двух языковых стихий [5, с. 155-186]. Исправление богослужебных текстов и обрядов разделило русское православное общество на преемников «старой» и «новой» веры в её лингвистическом воплощении.

В связи с расколом русского православного общества царю Алексею Михайловичу как последней надежде на сохранение истинной веры адресовались челобитные прежде всего идеологов старообрядчества, которые действовали разрозненно, применяли разные методы убеждения, но пытались доказать царю несостоятельность и бесполезность церковной реформы.

В данной связи считаем необходимым обратиться именно к такого рода челобитным. Прежде всего, необходимо прояснить этимологию слова челобитной как названия письменного прошения, которое образовалось от словосочетания *челобитная грамота* [14, с. 239]. Само же прилагательное *челобитная* образовано от существительного *челобитье*, возникшего на базе сочетания *челом бить* – «кланяться, просить» [16, с. 397]. Челобитная как жанр деловой письменности характеризуется относительной устойчивостью формуляра, в отличие от других документов этого периода [10, с. 467]. В ряде случаев исследователи сужают сферу функционирования челобитной в делопроизводстве России XV – начала XVIII вв. до основной формы обращения к государю или просьбы, жалобы, подаваемой центральным или местным властям [13, с. 362].

В связи с тем, что челобитная в период церковных реформ представляет собой особую форму обращения к государю, абсолютно оправданно использование в документах данного типа существительных в форме звательного падежа, который в определённой степени имеет неоднозначный статус в системе древнерусского языка. В частности, Г.А. Хабургаев в «Очерках ис-

торической морфологии русского языка» отмечал, что древнерусскому языку, присуща система шести падежей (именительный, винительный, родительный, дательный, творительный, местный), а звательный падеж, который принято считать седьмым в грамматической традиции, является особой формой обращения большого количества существительных мужского и женского рода в единственном числе [15, с. 47]. А.И. Соболевский относил «именное образование, называемое формой звательного падежа» к числу падежных форм лишь условно, основываясь на близости значений именительного и звательного падежей [12, с. 17-18]. Г.А. Хабургаев, так же, как и А.И. Соболевский, отмечает и то, что форма звательного падежа, употребляясь только в функции обращения, всегда оказывалась вне синтаксических отношений [15, с. 47; 12, с. 18]. Необходимо обратить внимание на то, что звательный падеж был утрачен системой русского литературного языка в к. XIV– XV вв. В настоящее время в русском литературном языке в качестве обращения используется синонимичная форма именительного падежа [8, с. 42].

Отметим, что наряду с формой именительного падежа в челобитных идеологов старообрядчества – протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого продолжается активное использование звательного падежа. В своей главенствующей функции обращения форма звательного падежа в челобитных реализуется, в первую очередь, в зачине текста: «*Свет государыня, всегосподованная **дево**, Ирина Михайловна! Что аз грубый хошу пред тобою рещи, всем, яко мудра еси, **дево**-сосуд божий, избранный*» [2, с. 416], «*Соловецкия обители еклисиярх Игнатий челом бьет царю Алексею Михайловичю, самодержцу всея Руси. Приношу тебе, **самодержавне**, на российское синодальное содержание*» [6, с. 39]. Присутствие звательного падежа может быть объяснено традицией и относительной устойчивостью формуляра челобитной ещё со времён существования звательного падежа как живой формы в древнерусском языке и её востребованностью как реалии церковнославянских текстов в обращении священнослужителей.

Специфика обращения к государю в рамках рассматриваемой исторической ситуации во многом определила эмоциональный

фон челобитной в целом: с одной стороны, частое использование форм звательного падежа было обусловлено церковнославянской традицией, в которой данное языковое явление было типичным, не рудиментарным, с другой – возвышение адресата на фоне преуменьшения адресанта в большей или меньшей степени служило средством убеждения оппонента, рассчитанным на изменение сознания и, как следствие, поведение.

Видимо этим объясняются самые распространенные случаи употребления форм звательного падежа в челобитных типа *царю* и *самодержавне*, поскольку именно в семантике данных слов преобладают специфические властительные семы «*могущества*» и «*обладания*» [9, с. 371]: «*В Благовещенском соборе, царю, Антония Римлянина кресты...*» [6, с. 42], «*Еще, царю самодержавне, богогласный Лука написа крест...*» [Там же], «*Сего, пресветлый царю, прежде нигде пишимо не было...*» [Там же], «*Послушай, молю тя, христолюбивый Царю...*» [3, с. 30]; «*Воистинну, христолюбивый православный царю, многим во откровении бысть...*» [Там же], «*Потщися, надежда наша православный царю, исторгни оного плевелы...*» [Там же], «*Мне мнится, благочестивый царю, дух пытливый таков же иматъ Никон...*» [Там же] и др.

Судя по нашим данным, наряду с формами звательного падежа использовались также существительные в форме именительного падежа. В частности, существительное *государь* в большинстве случаев фиксируется в форме именительного падежа, что в определённой степени свидетельствует о сохранении традиции и на её фоне вытеснения форм звательного падежа именительным. Таким образом, на базе данного языкового материала реализуется тенденция к приравниванию форм именительного и звательного падежей: «*Надежда наша, свет государь, православный царь, услыши грешника мольбу...*» [3, с. 26], «*И не ужто, Государь свет, им так Бог попустил?...*» [Там же], «*И о сих всех, свет государь, благодарю Бога...*» [Там же] и др.

Отмеченная В.М. Марковым звательная форма, обозначающая лицо, к которому обращаются с речью, могла не только находиться в различных отношениях с контекстом, но и включаться в структуру предложения на правах подлежащего (при-

меров данного языкового явления в челобитных идеологов старообрядчества XVII в. нами обнаружено не было). Однако достаточно часто встречаются сравнительно изолированные, самостоятельные вокативные предложения, что наблюдается, когда эта форма обозначает лицо, не мыслимое в качестве участника передаваемых событий [8, с. 42], например: «*О, царю!*» [6, с. 42], «*Се, царю!*» [Там же, с. 43]. Следует отметить, что в рамках вокативных предложений сохраняется тенденция к замене звательного падежа именительным: «*Государь-свет, православный царь!*» [1, с. 281], «*Свет государь, благочестивый царь!*» [Там же, с. 26], «*Свет государь, благочестивый православный царь!*» [Там же, с. 28], «*Царевна, государыня, Ирина Михайловна!*» [2, с. 417], «*Свет-государь!*» [1, с. 287].

Таким образом, выявленные факты особенностей употребления звательного падежа в челобитных идеологов старообрядчества протопопа Аввакума и дьякона Игнатия Соловецкого свидетельствуют о его использовании в функции обращения и с целью соблюдения формуляра документа и как дань церковнославянской традиции, однако наличие тех же существительных в форме именительного падежа указывают на значимость изменений, которые произошли в живом русском языке, что позволяет использовать обе формы – традиционную, в данный момент имеющую статус церковнославянской, и новую, русскую, – для убеждения адресата в правоте своей точки зрения, что было необходимо авторам в нестабильную историческую эпоху раскола православной церкви.

Литература

1. *Аввакум протопоп*. Первая челобитная // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. – М.: Academia, 1934. – С. 279–287.
2. *Аввакум протопоп*. Письмо царевне Ирине Михайловне Романовой / под. ред. В.И. Мальшева. – М.: Труды отдела древнерусской литературы АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), 1958. – С. 416–418.
3. *Аввакум протопоп*. Челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу // Русский архив, 1864. – Вып. 1. – С. 26–33.

4. *Бекасова Е.Н.* Вопросы образования и развития русского литературного языка. – Оренбург: Изд-во Оренб. ун-та, 2006. – 228 с.

5. *Бекасова Е.Н.* Генетический фон древнерусского текста. – Оренбург: Изд-во Оренб. ун-та, 2010. – 208 с.

6. *Игнатий Соловецкий дьякон.* Челобитная царю Алексею Михайловичу // Памятники старообрядческой письменности. СПб.: РХГИ, 1998. – С. 39–43.

7. *Кантерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. – Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1909. – Т. 1. – 533 с.

8. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. – М.: Высшая школа, 1974. – 143 с.

9. *Михайлов А.В.* Парадигматика именованных царя в аспекте отношений «царь-народ» // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы десятой международной конференции, посвященной 60-летию кафедры русского языка / под ред. М.В. Пименовой. – Владимир: Транзит-ИКС, 2013. – С. 371–374.

10. *Российский гуманитарный энциклопедический словарь:* в 3 т. / гл. ред. П.А. Клубков. – СПб.: ВЛАДОС: Изд. филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2002. – Т. 3. – 704 с.

11. *Словарь* социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

12. *Соболевский А.И.* Церковно-славянская морфология: курс лекций. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1904.

13. *Советская историческая энциклопедия:* в 16-ти т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Совет. энциклопедия, 1961–1976.

14. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.

15. *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 296 с.

16. *Этимологический словарь русского языка* / гл. ред. Г.А. Крылов. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.

©Миронова Е.А., 2016